

Софи Ренар

Поэзия БДСМ

Софи Ренар

**Поэзия БДСМ. Рассказы.
Сказки. Стихи.**

«Издательские решения»

Ренар С.

Поэзия БДСМ. Рассказы. Сказки. Стихи. / С. Ренар —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852436-3

А на самом деле, главное — чтобы тебя спасали. В русском БДСМ нет ни красных комнат, ни Верхних-миллиардеров, исключительно загадочная русская любовь. От нее-то и надо спасаться — ей же.

ISBN 978-5-44-852436-3

© Ренар С.
© Издательские решения

Содержание

Выбор	6
Круги	13
1	13
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Поэзия БДСМ Рассказы. Сказки. Стихи.

Софи Ренар

© Софи Ренар, 2017

ISBN 978-5-4485-2436-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выбор

Эротические рассказы начинаются с описания одиночества героини.

Тематические рассказы описывают трудную жизнь непонятого извращенца.

Ну а любовные романы, как правило, вворачивают в качестве прелюдии смешную уже сотни лет шутку.

Вопрос, что выберешь именно ты.

...И был июль, и был он не по-июльски холоден. Лишь проглянет изредка солнце сквозь тяжелое свинцовое небо, погладит голые коленки, спрячется обратно. Софи ежилась, стоя на ветру у выхода из метро. Вообще-то они договорились встретиться внутри – ну мы же самые умные, мы знаем, как нам будет лучше, куда там этим Доминантам... Вышла, взяла в окошке Маккофе большой стакан капучино, вернулась и присела на парапет, болтая ногами. Ни дать, ни взять – выпускница школы, короткая юбка, минимум косметики, улыбка не сходит с губ. Косичек только не хватает, впрочем, это дело поправимое.

Улыбка, если приглядеться, нервная. Да и ногами она болтает только потому, что иначе они будут дергаться сами, дрожать мелкой дрожью от страха. Страх этот идет от низа живота, от солнечного сплетения – облепляет липкой мокрой паутиной весь низ тела, заставляет переводить изредка дыхание.

Мда, вот тебе и выпускница... школы сабмиссивов. Вот тебе и несколько лет опыта. Ее начало скручивать еще в метро, когда она случайно зацепилась проводом наушника за сумку, увидела на ее дне спец-набор – салфетки, пачку презервативов на всякий пожарный, пару пробок – и испуганно в тот же миг сумку полностью застегнула. Ладони моментально взмокли, щеки загорелись, и она почти в изнеможении прислонилась лбом к стеклу вагона, перед тем как из него выйти.

Кофе, сигареты...нет, курить она сейчас не будет. Не сейчас.

– Ты где?

– Я вышла, стою со стороны Мака. Хочешь, спущусь обратно?

– Ну и что с тобой делать? Стой, где стоишь, сейчас приду.

Она несколько раз вдохнула и выдохнула, стало легче. А потом и вовсе окутало сверху нежное облако тепла и комфорта, когда он поднялся, обнял ее, невесомо поцеловал в лоб. Разница в росте, чего уж тут.

Софи уцепилась за его руку, как в танце, когда он поворачивал ее куда хотел, задавая вектор направления движения. Вектор, ага. Она вдруг хихикнула про себя, вспоминая «физику физиологии» – мини-лекцию, прочтенную им на одной из первых встреч, в ответ на ее замечание о площади соприкосновения ремня о кожу... Да... работа там, импульс... давление! Точно! Он говорил ей на ухо все эти давно забытые формулы – медленно, охрипшим голосом, сжимая одной руку ее руку, другой удобно собрав волосы в хвост, чтобы не мешались, а она млела, текла просто от этого голоса, от всех этих умных слов, которые ей – выпускнице матшколы – были словно бальзам на душу.

Да-да... было же, было, уже потом в институте на первом курсе, когда раздолбайство и лень при несомненном наличии мозгов едва позволили ей сдать сессию. Она не могла тогда учиться, не хотела. И появился бы кто, заставил... Первой студенческой весной она сидела в аудиториях или в открытом вестибюле лабораторного комплекса и страстно фантазировала об одном – дисциплине, строгости, порке. О том, чтобы ее заставляли, учили, наставляли, пинали вперед. Чтобы ей сказали: ты умница, ты замечательная, но ты совершенно безответственная, и будешь за это наказана.

Встретились бы они тогда? Понял бы он ее? Что бы было?

Она вздрагивает, когда он разворачивает ее уже у двери отеля, распахивая дверь, пропуская вперед. Снова возвращается нервозность – теперь уж в каком-то мелком хихиканьи и бесконечной болтовне. Когда они поднимаются по лестнице, ее бедра сами начинают совсем уж откровенно покачиваться – и она чувствует его взгляд, тяжелеющий с каждой секундой.

— —

Раздается писк открываемого замка, они заходят. Софи сразу же с какой-то поспешной деловитостью начинает снимать туфли, выкладывать сумку, мимоходом стряхивать невидимые пылинки с платья. Ощущение надвигающегося шторма захватывает, кружит голову, перед глазами темнеет, а сердце стучит так громко, что она боится за этим стуком не рассчитать хода времени. Она не знает, о чем он думает, хочет узнать – и не может, боится до смерти, такое же чувство ее настигает только когда она смотрит вниз с огромной высоты – желание сделать шаг в пропасть, но как в сказке, как в легенде мгновенно взлететь.

Мы – гордые Ларре, – думает Софи, – героини сказки Горького. Мы мним себя детьми орлов, детьми неба, думаем, что нам все позволено, думаем, что можем летать. Но на самом деле то, что видится нам облаками – лишь иллюзия, дым на дне пропасти, куда нас волочет за собой неумное желание и неумные же страсти.

Она машинально достает пачку сигарет из сумки, отходит к окну. Жесткий ковролин слегка покалывает босые ступни, и Софи жалеет, что не надела чулки – да и поэстетичнее оно бы смотрелось... Оно – что?

– Положи обратно.

– А?

– Я сказал, – обманчиво-мягко, вкрадливо, – что ты положишь сигареты обратно.

Теперь они напротив друг друга. Знаковая композиция, нарисовать бы потом. Он сидит, расслабленно откинувшись на спинку кресла, смотрит на нее – она стоит у окна, вполоборота. Столбик пепла уже вспыхнувшего огонька с фильтра перекидывается на ее пальцы. Тогда она вздрагивает, засовывает сигарету в пепельницу, долго и упрямо топчет ее там и никак не может взглянуть в ответ. А когда наконец решается...

Ты же знаешь, – говорят его глаза, самую капельку смущенные, – все это игра. Ты хочешь этого, или тебе кажется, что так должно быть. Я хочу этого, или мне кажется, что я должен. Давай поможем друг другу. Прежде всего, – ироничная искорка пробегает по самой глубине зрачков, – прежде всего, это тебе же на пользу.

Она смотрит на него, остывая потихоньку, раскручивая внутреннюю пружину обратно. Понимая его и почти срываясь в ощущение ирреальности, неестественности происходящего – от страха, должно быть, она улыбается намеренно насмешливо, перехватывая инициативу в свои руки. Распрямляя спину, меняя позу – так в театре теней актеры мгновенно меняют амплуа, из маленького зайца превращаясь в хищника, уже щелкающего пастью, как вдруг...

Он смотрит на нее, брови удивленно поднимаются, на лице какое-то странное выражение, ну, ну!

– Что, весело тебе?

Страх, ожидание, вызов. Под ноги бросается перчатка, у великого секс-символа ветром вздымает до пояса юбку, и уже совсем близко грохочет гром – на пределе, едва сдерживаясь, чтобы не полыхнуть с небес огненной молнией.

Не заставляй меня отвечать тебе, думает Софи. Не заставляй раскрывать рот, называть вещи своими именами... мы же оба – умеем. Мы же оба играли в театре, мы входили в роли, вращались в них, и кожа наших героев становилась нашей, уже не второй – первой кожей.

– Ага... Ну что ж, девочка, что неделю назад было, помнишь? А я тебе сейчас напому. Будем считать, что наказание, пусть и отложенное, состоится.

Он будто перепроверяет себя, слушает внутреннего суфлера, и продолжает, смакуя каждое слово:

– Но будет больно. Жалеть я тебя не буду, а порку ты заслужила хорошую. Что? Хочешь еще? Молчишь – значит хочешь. Ну так и упрямых девочек надо наказывать. И хороших девочек надо наказывать – только лучше будут..., – голос резко меняет тональность, становится ледяным. – Сюда иди. Живо.

Софи идет, старательно пытаясь не споткнуться.

Он сажает ее к себе на колени, проводит ладонью по щеке, тогда она закрывает глаза и медленно-медленно тает изнутри. Пока не чувствует что рука жесткой скобкой обхватывает ее шею.

– Давай закончим побыстрее со всем неприятным.

Она чувствует, как пунцовая краска стыда словно язык пламени лижет ее щеки.

– Что, стыдно? Ничего, это дело поправимое. Сейчас попа будет тоже красная. И будет больно, про стыд забудешь. Ну-ка, быстро ложись! А то еще добавлю. Хорошая девочка, умная девочка, не очень послушная, ну что ж, это мы исправим, и будет совсем-совсем... хорошо.

– Не надо еще!

– А тебя никто не спрашивает, – хмыкает он, и закидывает подол платья ей на спину. – Извини, детка, но трусики придется спустить... воспитывать плохих девочек лучше по голой попе... – с этими словами он тянет вниз к коленкам ее трусики, гладит покрывшиеся мураш-

ками от холода половинки, на том месте, где они переходят в бедра. Ему думается вдруг, что то, что происходит наедине между двумя людьми выглядит со стороны ужасно, наверное, смешно, забавно, даже глупо. Но кому это важно?

Софи в это время думает о том, что на самом деле, и ему, и ей самой нравится вовсе и не порка сама по себе – а все, что вокруг этого. Суэта вокруг дивана, не хаотичная, напротив, упорядоченная, правильная. И любимые сцены в фильмах и книгах как раз об этом. О приготовлениях, о позах, о стыде, о начале и конце. Главное не боль, не откровенность ее даже – но стыдливость, волны сомнения окутывающие их обоих, но разбивающиеся о скалу желания.

Кстати, о желании. Она ерзает животом на его коленях, мучительно пытаюсь улечься поудобнее, как вдруг наталкивается на... и закусывает губу. Вот вам и все мужское естество в своей сути. Встало, как партделегаты на съезде. И, кажется, обратно не собирается. Мысленно она перехватывает собственную ладонь, пытающуюся пролезть под себя, к молнии его джинсов, погладить там... – впивается ногтями, нет уж, не сейчас.

Пока она пребывает внутри себя, снаружи явно происходит что-то значительное. Она обнаруживает вдруг, что ей становится все больнее и больнее, кожа горит, и когда он шлепает особенно сильно, с оттяжкой, кончиками пальцев, то ей хочется только нырнуть вперед, дальше, спасаясь от ударов.

– Ну что, пора к основному блюду переходить? Снимай платье и становись на кровать. На четвереньки.

Она не смеет ему не подчиниться. Вылезает из платья, смущенно поправляет сбившуюся чашечку лифчика, избегая столкнуться с ним взглядом, и оказывается на кровати, низко опустив голову, зато задрав попу как можно выше, слегка раздвинув ноги – по его указанию, разумеется. Тайн больше точно не осталось.

Не почувствовав бы полминуты назад на себе его руки, боли от ее тяжести, она бы, конечно, посмотрела бы через плечо, усмехнулась, спросила бы нарочито буднично: Интересно?

Только делать сейчас это явно не стоит. Попытка иронизировать над человеком, который над тобой стоит с ремнем – не лучшая идея. Особенно когда ты почти голая, с отшлепанной, яркой выделяющейся на общем белом фоне, попой.

Тут ее пробивает на смех, и, надо думать, он это воспринимает как насмешку, типа: и это все?

И наступает тишина. Софи осторожно поворачивает голову, смотрит на него снизу вверх и отшатывается. У него сужен зрачок – плохой знак, и на дне ярко-голубых, абсолютно светлых, глаз полыхают всполохи диких, яростных пожаров.

– ..., – мысленно выругивается Софи, – вот теперь точно все.

С запозданием она слышит: Тааак, – и зажмуривается в то же мгновение от сильного точного удара, пришедшегося аккурат на нежную кромку, делящую ягодицы и бедра.

Удары разделяет примерно секунд пять. У него внутри точно метроном находится, отсчитывающий каждое мгновение. Софи давно сбилась со счета – 10,15,25 – ей уже неважно. Она

стонет, визжит, цепляется зубами в подушку, и наконец срывается в рыдания – захлебывающиеся, детские, безутешные, эти слезы идут и идут, но она не может его попросить остановиться, соленый водопад кружит ее в водовороте словно Алису из детской сказки, затягивает в воронку, и когда она почти исчезает в ней...

– Ну, девочка, ну, радость, маленькая... хорошенькая... солнышко мое...

Он гладит ее, давно отбросив ремень в сторону, растирает распухшие в полтора раза ягоды, покрывает их легкими поцелуями – и она долго, протяжно всхлипывает, уже по инерции, просто чтобы он не останавливался, продолжал ее дальше жалеть.

– —

Потом Софи поворачивается, шипит сквозь зубы, соприкасаясь ягодицами с тканью покрывала. Лежать больно – но эта боль заполняет ее, словно игристое вино тонконогий бокал, пузырьки лопаются на поверхности, и все тело охватывает воздушная легкость и возбуждение.

Она смотрит ему в лицо. На нем выражение, которое ей видеть совершенно удивительно – это выражение лиц людей, вдруг получивших письмо, услышавших звонок, который они уже отчаялись ждать. Но письмо получено, телефон настойчиво звонит, а получатель медлит – в предвкушении, с дрожащей в глазах смесью счастья и тревоги.

Софи ничего не понимает – и понимает все. Она одновременно лежит и смотрит сверху на них обоих – тело остается где-то там, извне. Она одновременно снаружи и внутри себя, и внутри него. Становится трудно дышать, сердце встает поперек горла, заполненное чувством, которое ей нельзя не то, что назвать, но и сколько-нибудь осознать.

Она вдруг вспоминает, как давно, в прошлой жизни, однажды возвращалась домой поздним, ноябрьским, теплым, калифорнийским вечером. Весь год в Калифорнии вечная весна – и в ноябре было то же. Домом, впрочем, это место назвать было уже трудно. Она доживала там последние часы, самолет должен был вылететь на следующие сутки. Стояла непроглядная тьма, лишь на перекрестках освещаемая покачивающимися фонарями – в лучших традициях фильмов ужасов. Но ей не было страшно. Освещая путь мобильником, она брела и брела себе дальше, не боясь ни случайных теней, ни изредка взвизгивающих в отдалении тормозов и сигнализаций автомобилей. Ровно подстриженные газоны и кусты проплывали мимо нее, превращая весь путь в какую-то удивительную темно-зеленую сказку. Когда она уже подошла к своему дому, увидела свет в его окнах и поняла, что дорога закончилась, и никогда больше уже не повторится, хоть дорог – других – в ее жизни будет еще очень-очень много, то села прямо на холодный камень ступеней и, уткнувшись лицом в ладони, горько заплакала.

Образ этой дороги, теплой тьмы, сладкого запаха только что скошенной травы накрывает ее, когда она внимательно смотрит ему в лицо. Ей вдруг кажется, что то, что было, больше тоже не повторится – и она из всех сил рвется сквозь эти мысли, ему навстречу, обхватывая его голову, притягивая к себе, до безумия боясь снова его потерять – как потеряла давным-давно, может быть, тысячу лет назад.

– —

Первый поцелуй впервые за все время, проведенное наедине, не опьяняет, а напротив отрезвляет. Так источники, куда ты погружаешься, скользнув с гладких деревянных ступеней,

накрывают с головой – чистой святой водой, от которой лязгают зубы, а тело горит и светится даже в темноте купальни.

Они пьют друг друга жадно, безудержно, целомудренно. Это странное сочетание, ходьба по грани между светом и тьмой было именно тем, что она ждала – и от того, что ожидания сбылись, от того, что все наконец-то правильно, верно, точно – Софи стонет, вкладывая в свой стон все восторги, мечты, чувства, изливаясь стоном в тишине комнаты, словно тот самый источник.

Одежда мешает. На ощупь, полузакрыв глаза, они раздевают друг друга. Нетерпеливо, но испуганно она дрожит в ожидании, чувствуя и его волнение, его дрожь – все происходящее похоже на полузабытый сон, на мелодию, которую ты услышал в детстве, и не можешь ни воспроизвести в голове в точности, ни забыть ее совсем.

Потом они замирают. Эта секунда перед началом начал, перед смертью их прежнего мира тянется бесконечно, а потом, он раскрывает руками ее бедра, упирается в них для лучшей опоры, и входит.

Мечутся по потолку тени. Где-то за окном, на другом конце вселенной звенят голоса, слышится шум – Софи воспринимает его осколком сознания, но и только.

Все происходит беззвучно. Только скрип кровати равномерно разносится по пустыне комнаты.

Они меняют позу. Так ей нравится намного больше – словно по щелчку пальцев невидимого волшебника она превращается в лису в весенний гон – период размножения. Инстинкт – вот ее единственный приказ, вот единственное правило, которому она подчиняется. Выгнув спину, прижавшись грудью к ровной поверхности матраса, вцепившись в нее побелевшими от напряжения пальцами, она позволяет себя слегка взвить от наслаждения – глухо, даже тихо, но различимо. Тогда он зажимает ей рот, перекрывая доступ воздуху, вжимает всем телом в кровать, и она чувствует как мышцы внутри сокращаются все быстрее и быстрее, мышцы бедер напрягаются, и перед глазами вспыхивают огромные лучистые звезды, в свет которых она падает, кувыркаясь.

— —

Волосы липнут к мокрым вискам. Софи раздраженно собирает их в пучок, проходя в душ и обливаясь водой. Все очень хорошо. Все очень-очень-очень хорошо.

Она шепчет по слогам это «хорошо», не зная, что можно еще добавить.

Все эротические рассказы заканчиваются рассветом.

Все тематические рассказы заканчиваются оргазмом.

Все любовные романы обрамляются эпилогом, где счастливое замуж сочетается с кучей золотоволосых малышей.

Вопрос в том, что выберешь именно ты.

Софи возвращается в комнату. Ее мужчина полулежит на кровати. Завидев ее, улыбается и без слов протягивает навстречу руки.

Она идет – снова навстречу.
На встречу.

Через тысячу новых лет.

Круги

1

Парадоксально, но факт: лучшее БДСМ-ное у меня состоялось с самым что ни на есть ванильным партнером.

Настолько ванильным, что он мог бы надеть на голову веночек с бело-золотистыми цветочками и рекламировать по ТВ гель для душа с ароматом этих самых цветочков, причем успешно.

Однако, как это часто бывает, наличие ванильных недостатков (или достоинств?) познается не сразу, по прошествии времени; и оставаться дальше с человеком, не принимающим твои увлечения, сложно, и оставить его – еще сложнее, особенно, когда тебе 18 едва исполнилось, он у тебя первый, вместе вы уже три года, и... что делать, когда без боли жить дальше – невыносимо?

– Мда, – произносит он в ошеломлении, разглядывая картинки со сценами порки, любовно собранные мной, – ты хочешь сказать, что тебе это нравится?

– Это лишь малая часть того, что мне нравится. Я просто не хочу тебя пугать.

– Я все равно не понимаю. Не понимаю. То есть тебе нравится, когда тебя унижают или называют сукой?

– Хах? Ты о чем?

– Этот... Этот БДСМ. Там бьют и унижают девушек. Жесткий секс, наручники, каменный пол, пытки, прижигания?

– Емкая характеристика, – хохочу я, – приблизительно, конечно, так, но ты же понимаешь, это внешняя сторона монеты, аверс, хотя есть и реверс?

– И что же на реверсе? – он развязывает шарф на моей шее, пропускает его сквозь пальцы, обвязывает на них – темнеют смуглые костяшки сквозь петли белого шелка.

– В идеале: обоюдоострая ответственность и забота. Нижняя ублажает Верхнего, Верхний заботится о нижней, вместе они составляют тандем, внушающий тематическому сообществу уважение и обеспечивающий его (тандему) участникам удовлетворение исполненных желаний.

– Исполненных, ты хотела сказать? Да, вот так, запрокинь-ка голову.

– Ооох, это оговорка... – шарф затягивается теперь уже на моем горле, все сильнее и сильнее.

Он ласково тем временем поглаживает мою грудь через вырез полурасстегнутой рубашки.

– По Фрейду, разумеется.

– Знаешь, как называется то, что ты делаешь?

– Тебе не надоело подводить теоретическую базу под все, что ты видишь?

– Ммм...

– Значит – да?

Что вы знаете о сочетании жестокости и нежности, мягкости и твердости, добра и зла, теоретики?

Терниях в звездах, розах на снегу, песчаной бури в стакане воды, баобабах на нескольких квадратных метрах, войны в душе, мира между врагами, затмения в разуме, просветления в период безумия?

Вы ничего не знаете.

Я тоже ничего не знаю. У меня перед лицом жесткий ковролин, на шее удавка, в ушах звенящий от напряжения, срывающийся голос —

– Проси!

– Пожалуйста...

На коже лопаются пузырьки воздуха, вскипевшего от эмоциональных флюидов; по оголенной мякоти раскрытой плоти скользит его язык — меня пьют шампанским победителей, гертрудовским вином, королевским чистым спиртом имени кота Бегемота, до последней капли, слизывая дорожки на стенках «кубка», задыхаясь от жажды и алчности.

Теоретическая база куннилингуса. Параграф первый, он же единственный: покажите ей, что вы в восторге от ваших же действий.

Я ничего уже не знаю, кроме еще одного:

– Пожалуйста...

Ответного:

– Проси...

Скользят отсветы фонарей по темном полу, застревают в шелке его волос...

– Если ты пойдешь к кому-то из этих, — он с отвращением показывает сигаретой в сторону ноутбука, на так и не закрытую вкладку БДСМ-портала, — я тебя точно придушу. Нет, сначала трахну, потом придушу.

– А вдруг...

– Нет, тебе не понравится.

2

Замечу, впрочем, что в дальнейшем обещания он своего не выполнил, – пусть и догадываясь о моих эскападах с Верхними, и зная детали этих эскапад.

Жалость ли ко мне, «ненормальной» и одинокой оттого, или любовь – беспечная, бескорыстная, эгоцентричная, какой она только и бывает у юношей, сделали свое дело; но никаких препятствий к моему внедрению в тематическое сообщество он не чинил.

Я же тем временем писала на досках объявлений, едва обретшим свободу зверьком боязливо принимавалась к новым знакомым, отсекала лишних людей, с увлеченностью крота копалась в психологии движущих тематиками сил, все больше сужала круги поиска...

Круги, тем не менее, расплывались по воде – хлюпали брошенные моей слабой рукой пробные камешки.

– Строго говоря, березовые прутья еще стОит в соленой воде вымочить, а кончики пожевать для пушей мягкости.

– Березу? Из лесопарковой, насквозь загаженной химическими испарениями, зоны Москвы?

– Мда. Вот так и сталкиваешься с реалиями жизни, пытаешься применить теорию на практике...

Идиллическая картина! Опушка лесного массива Лосиног острова, робкое солнце, касающееся бледно-желтыми лучами верхушек елей, едко щекочущий ноздри запах свежей листвы и мокрой земли – сегодня снова обещали дождь; весна, молодость,.. розги.

Не помешало бы, конечно, добавить еще чуточку тургеневской пейзажной лирики, но мы сюда не за этим пришли.

Так что придется вам убраться на время мольберт, любезный читатель, и приготовить взамен перочинный ножик.

Тэкс, а сучки эти на прутьях мы сейчас разьясим... И вот здесь, посередине, поскоблить бы, угу...

Осыпается дождевыми каплями восторг с приготовленных прутьев, дрожим мы оба на прохладном майском ветру.

– Иди-ка сюда, – хлопает он себя по коленям, – ну, ближе, ближе. А теперь поднимай юбку и ложись.

Подправляет на мне сам сползшие чулки, спускает трусики до колен.

Стыдно?

Ни капельки.

Что есть стыд? Признак недоверия.

Что есть недоверие? Реакция на ложь.

Ложь не совместима с причинением и принятием боли. Не скроешь, не вывернешься.

– Хорошо, что твоя кожа моментально краснеет, – говорит он, вклиниваясь в мои перемежающиеся со стонами визги, – тебе определенно идет алый цвет, дорогая...

– О, – добавляет он еще через шлепков эдак 50 (тяжелая рука профессионального спортсмена сравняла эти 50 с обычными 100), – знаешь, как мы будем шифроваться, беседуя на людях? Спарклинг! Во-первых, звучит похоже, а во-вторых, ты же просто светишься от радости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.